

2. ЧУДО-ДЕРЕВО РАСТЕТ

Неужели известность Чуковского (у широкой публики) зиждется на какой-то текстологии?

Самых тонких и глубоких толкователей литературы, ученых мирового масштаба знает ограниченный круг.

А вот что «одеяло убежало, улетела простыня», что «нелегкая это работа - из болота тащить бегемота» и что есть такая «быстроглазая Серна», которая «Ване и Ляле читает Жюль Верна», в моем поколении (и в последующем, и в предыдущем!) знали, кажется, все-все.

Как ни странно, популярность детского стихотворца в конце концов бросила свой ответ на критику, на текстологию Чуковского. Как говорится, можно смеяться. По крайней мере те, кто читал Чуковского в мальшом возрасте, потом с воодушевлением открывали его взрослые книги. Даже без картинок. Хотя без картинок, конечно, не то.

В раннем детстве мне подарили тряпичного кукленка мужского пола. С кружевной бородой.

Надо было придумать любимому кукленку имя. Я назвал его Бармалей.

Андрею Николаеву с борта не то «Востока-3», не то «Союза-9» пришлось во время семейного сеанса связи сообщить дочери, что Бармалеи в Африке не водятся. Космонавт пообещал смотреть внимательно, еще внимательно.

Не знаю, была дочь обрадована или разочарована.

Лучшие книги Чуковского-литературоведа написаны в 10-е, в 20-е годы. «От Чехова до наших дней» (1908), «Лица и маски» (1914), «Книга о современных писателях» (1914) и т.д. Чуковский плодотворно занимался наследием Некрасова. В 1926 году выпустил сборник «Некрасов», 2-е изд. - «Рассказы о Некрасове» (1930). Признаюсь, что дорожу именно этой книгой, а не «Мастерством Некрасова» - не слишком увлекательным трудом, опубликованным в 1952-м мрачном году и словно несущем на себе его отпечаток (через десять лет был удостоен высшей в СССР премии имени Ленина; думаю, по совокупности заслуг, или как компенсация за гонения). Есть у меня и «Полное собрание стихотворений Некрасова, редакция и примечания Чуковского», 2-е изд., 1928, с портретом Некрасова - в молодости, а не на смертном одре, как печатают по нелепой традиции.

Чуковский бывал пристрастен. Он упивался прозой Бунина, но недооценил гениальные стихи. Он написал памфлет «Лидия Чарская», сосредоточил внимание на издержках аффектированного стиля, на обилии экстремальных ситуаций, на театральности, на языковых несурициях. Но его вывод - автор неискренен - не разъясняет, каким образом Чарской, при ее вопиющих недостатках, удалось пленить столько сердец.

Некоторые его оценки уже пересмотрены временем.

Как и почему критик стал писать стихотворные сказочки? Чуковский рассказал про это в предисловии к книжке в серии «Библиотека советской поэзии» (1961): «Собранные здесь стихи написаны мною нечаянно (...) Своей единственной профессией я считал литературную критику. Эту профессию я страстно любил. Статьи свои писал с увлечением, с безоглядной искренностью». Его критическую книжку «Матерям о детских журналах» прочел Горький. При встрече с Чуковским Горький заметил, что одна хорошая детская книжка делает больше добра, чем ворох критических статей. Горький предложил критику самому взяться за перо и сочинить сказку, длинную, вроде «Конька-Горбунка». Из современного быта. (Замечу в скобках, что путь в детскую литературу переплелся с Горьким и у Саши Черного.)

Как ни старался Чуковский, сказка не выходила. Читаем: «Но случилось так, что мой маленький сын заболел (...) Я вез его домой в ночном поезде,

Начало в № 31 от 9 августа.

он капризничал, плакал, стонал. Чтобы как-нибудь утихомирить его боль, я стал рассказывать ему под ритмический грохот бегущего поезда: «Жил да был Крокодил. Он по улицам ходил...»

Вот как все случилось. В таком Факте (напишу с большой буквы) видно, что сделало сердитого критика сказочником: стремление утихомирить боль ребенка. Сострадание - источник чудесных подвигов и поэзии. Рожденные из сострадания сказки учат сочувствию малышей. Ведь задача сказочников, по Чуковскому, «заключается в том, чтобы какой угодно ценой воспитать в ребенке человечность - эту дивную способность человека волноваться чужими несчастьями, радоваться радостям другого, переживать чужую судьбу, как свою».

И здесь еще один великий пример Чуковского - всем, в том числе нам с вами. Даже если эта история упрощена, чтоб сделаться мифом.

Между прочим, Чуковский отлич-

ции, для которой телевидение еще не стало ежедневной привычкой. Вот он попал в больницу. Записывает: «Позор и ужас. Обнаружился сосед, который обожает телевизор. Из-за стены слышен несмолкаемый лай. Прекратится он только в 12 часов. Если бы мне хоть намекнули, что возможно соседство с таким дикарем, я предпочел бы умереть у себя на диване».

Он был чрезвычайно, я бы сказал, чрезмерно, требователен к человечеству. Даже к слабому полу. В той же больнице встретился с дамой, которую счел «замечательной личностью». Финансовый ревизор. Живой, деятельный, скептический ум. Все Чуковскому по душе. «Но... она даже не предполагает, что в России были Мандельштам, Заболоцкий, Гумилев, Замiatин, Сомов, Борис Григорьев, в ее жизни пастернаковское «Рождество» не было событием, она не подозревала, что «Мастер и Маргарита» и «Театральный ро-

дию Корнееву Чуковскую преследовали за правозащитную деятельность».

Возможно, он бы еще пожил. Его убила медицинская сестра (из тех ли, что цитируют самые вульгарные песни?): нечистым шприцом, в котором - после предыдущего больного - жила желтуха.

Он умер 28 октября 1969 года в больнице в Кунцеве.

В 1991 и 1994 годах вышли два тома его «Дневника»: с 1901-го по 1969-й. Это книга, без которой, кажется, нельзя жить. В ней истинное величие Чуковского.

Пушкин к имени Державина прикрепит бирку: старик. Но «Фелицу» и «Бога» написал человек не старый. «Кому же хочется в потомство перейти в обличье старика!» - воскликнул Слуцкий. Молодыми в памяти потомства остаются Пушкин, Лермонтов, Блок, Маяковский, Высоцкий... Но есть два поэта, которым присвоен чин дедушек. Гениальный Иван Андреевич Крылов и

Попытка портрета

Великолепный литератор Чуковский

но знал, что сострадание есть также форма самоутверждения человека (по отдельности «божественное» и «дьявольское», добро и зло существуют только в воображении церковных прихожан и плоских моралистов). Он записал в дневнике беспощадные слова, и пусть читатель сам решит, в какой степени справедливы: «Читаю Бунина «Освобождение Толстого». Один злой человек, догадавшийся, что доброта высшее благо, пишет о другом злом человеке, безумно жаждавшем источать из себя доброту. Толстой был до помрачения вспыльчив, честолюбив, заносчив, Бунин - завистлив, обидчив, злопамятен». Чуковский постоянно размышлял о противоречиях творчества и творца: «Горький был слабохарактерен, легко поддавался чужим влияниям. У Чехова был железный характер, несокрушимая воля. Не потому ли Горький воспевал сильных, волевых, могучих людей, а Чехов - слабых, беспомощных?»

Самый неожиданный портрет Чуковского дан в новой книге Бенедикта Сарнова «Перестаньте удивляться! Непридуманные истории». Приятель Сарнова Лев Наврозов повез сына в Переделкино на детский праздник, устроенный Чуковским. Наврозов видел Чуковского впервые раз в жизни и сказал: «Он похож на Муссолини». Сарнов был изумлен: «Лева объяснил: представьте... Стоит Чуковский, а мимо проходят дети. Он выбрасывает вперед руку и выкрикивает: «Уточки закрикали!» И марширующие дети - хором: «Кря! Кря! Кря!» Сарнов добавляет: «Импровизируя этот шутовской парад, Корней Иванович, вероятно, и думать не думал ни про какого Муссолини. (Так же как, сочиняя в 1921 году про рыжего и усатого таракана, - «покорились звери усатому, чтоб ему провалиться, проклятому», - он, конечно, и думать не думал про неведомого ему тогда Сталина)». Было ли в Чуковском что-то диктаторское?

Мы живем в мире, где правит бал ТВ. Милом «Рабыни Изауры» помыслили миллионы, десятки миллионов. В Молдавии прошла всеобщая забастовка, когда власти прикрыли российский канал имени «Санта-Барбары». Говорят, хитрожный (не найду другого слова) Мавроди прикармливал лишние 200 миллиардов, показав в рекламном ролике «МММ» Викторию Руффо, она же «просто-Мария». Политический телетрат Госдумы затмил Мейерхольда и Романа Виктюка.

Чуковский принадлежал к генера-

ман» - наша национальная гордость». И т.п.

Он, оказывается, «давно подозревал, что такие люди существуют» (!). Винит газеты, радио, TV: люди оболваны, «правительство упорно скрывает от населения» лучшие произведения классики, особенно XX века: «И массажистки, и сестры в разговоре цитируют самые вульгарные песни, и никто не знает Пушкина, Бортатинского, Жуковского, Фета - никто».

Женщины за больничной трапезой вызывают у него горечь: «говорят мелко-бабье: полез ли кефир, как лучше изжарить карпа, кому идет голубое, а кому зеленое - ни одной общей мысли, ни одного человеческого слова. Ежедневно читают газеты, интересуясь гл. образом прогнозами погоды и программами теле и кино».

И это не старческое брюзжание, распространенное на массажисток. В 1924 году (сорок пять лет назад) он не менее страстно заклеил 24-летнюю жену профессора из Луги, свою соседку по Сестрорецкому курорту: «поражает меня своим феноменальным невежеством (...) Я процитировал ей Пушкина: «Есть на свете город Луга...» - Да, да, я знаю эти стихи, я читала их в газете. Имя Макса Волошина слышит первый раз (...) Нужно еще пять поколений, чтобы вот этакая Елисавета Ивановна дошла до человеческого облика (...) курносая мешанка в завитушках - с душою болонки и куриным умом!»

Нет, он не стал бы подпевать Вертинскому: «Разве можно от женщины требовать многого?» И, пожалуй, не подписался бы под стихом своего старшего современника Брюсова: «И я с людьми как брат, я все прошу им...»

Только дети ему были всегда милы. Безоговорочно? Иногда он слышал от них всякие ужасности. Правнучка заявила ему: «У мальчиков и девочек не бывает прадедов... Когда ты умрешь?»

Его секретарь, 45-летняя Клара Лозовская, как говорят, после смерти жены, он предлагал ей замужество, исчезла, не попрощавшись: «Самое печальное, что Клара издавна задумала свой побег, а мне сообщила в конце, будто это только что пришло ей в голову». (Ныне Лозовская живет в Израиле.)

Он шутил, что не боится политических перемен: если возьмут верх верноподданные ретрограды, есть сын Коля (Николай Корнеевич Чуковский участвовал в клеймении Пастернака и пушкиниста Юлиана Оксман), если победят диссиденты - есть дочь Лида (Ли-

Чуковский. Их можно сопоставить. Оба создали в нашей поэзии детский комический эпос. У Крылова он составил из басен. У Чуковского - из сказок.

Дедушка Чуковский... «Никогда я не знал, - что так радостно быть стариком, что ни день - мои мысли добрей и светлей. Возле милого Пушкина, здесь, на осеннем Тверском, я с прощальною жадностью долго смотрю на детей, и, усталого, старого, тешит меня бесконечная их беготня и возня».

Таким, как в этих стихах, остается в памяти Чуковский. Он ежедневно трудился во славу русской литературы и тешился беготней и возней детворы.

А что же в его доме-музее? Есть у Корнея Ивановича сказочка, начинающаяся очень смешно: «Как у нашего Мирона на плечи сидит ворона. Это «Чудо-дерево» (1923). На обычных деревьях растут листочки, на этом «туфельки, сапожки, новые колошки». Для детей с голыми пятками. «Лапти созрели, валенки поспели. Что же вы зеваете, их не обрываете?»

Чудо-дерево как-то само собой стало эмблемой музея. Стоит оно на столе в кабинете, подаренное учениками школы № 609: на ветках сорок пар обуви. Сделали с любовью к Чуковскому.

И - клен перед домом увешан туфельками. Уже сложился обычай: посетители снимают обувь, вешают на ветки... А домой идут босиком?

Там, где гости были желанными далеко не всегда, не переводится народ. По словам заведующего Льва Шиловой, ежедневно - кроме вторника и среды - бывает до ста человек. Дети приезжают на автобусах целыми классами. Билет для школьника 2 рубля, студентам - 3, остальным - 5. Никаких надбавок для интуристов: дискриминация по национальному признаку считается незаконной.

Живет в музее прилудная собака: официально - Авва, по-домашнему - Дуся. Гостей встречает милая Светлана Карлова. Она проходит практику экскурсовода и отвечает на вопросы о Чуковском. Есть и экскурсоводы в штате.

Я простился с музеем, сказав слова из «Краденого солнца»:

- Ну, спасибо тебе, дедушка, за солнышко!

Владимир ПРИХОДЬКО.

Портрет работы Н.Андреева.

1923 г.